

«Вы будете глазами и ушами вашего народа»:
Визит русских писателей в Англию
в феврале 1916 года

Представители обоих государств начали обмениваться визитами за несколько лет до Первой мировой войны — после того, как в 1907-м Англия и Россия договорились о разделе сфер влияния в Афганистане, Персии и Тибете. В 1909 г. в Англию ездили 19 членов Третьей Думы, — председатель Николай Хомяков, Александр Гучков, глава оппозиции Павел Миллюков и другие. Во время этого посещения Миллюков читал лекции в Ливерпульском университете о влиянии английской литературы на русскую культуру. (Годом раньше в Петербургском университете выступал с лекциями об английской литературе профессор Оскар Браунинг из Кембриджа.) В январе 1912 г. в России побывала группа из 30 английских общественных деятелей, включая нескольких посланцев англиканской церкви, желавших сближения с церковью православной. После этого в Англии возникли Русское общество, общество «Россия», Англо-русское общество (Общество сближения Англии и России). Душою сближения на этом раннем этапе был Бернард Пэйрс (Pares) — впоследствии профессор русской истории, литературы и языка в Ливерпуле сэр Бернард Пэйрс: именно он был застрельщиком русских исследований в Англии и основателем «The Russian Review». Укреплялись и экономические отношения: Россия получила британские займы. В 1908 г. с поощрения Николая в России образована была Англо-русская торговая палата (затем переименованная в Русско-британскую), с отделениями в Москве, Петербурге и Одессе, а в Англии — русский отдел Лондонской торговой палаты. Англичане стремительно активизировались, осознав, что их почти из всех отраслей вытеснила Германия [Cross A. 2006, с. 56–70]. Уже в 1916 г. специальный выпуск «Times Russian Supplement», посвященный торгово-промышленным связям двух стран, демонстрировал разворот английского капитала и индустрии в сторону России.

С началом войны англо-русское сближение заметно активизируется [Колотовкина, 2001]. Разногласия были забыты. Когда Англия объявила войну Германии, русские массы стали относиться к англичанам с изумительной сердечностью [Pares, 1931, с. 275; Cross A. 2006, с. 63]. Англофилия достигла беспрецедентного апогея — стоило англичанину в военной форме появиться на улицах столиц, и на него буквально набрасывалась с выражениями любви толпа энтузиастов [Cross A. 2006, с. 63]. Стал регулярно выходить «Times Russian Supplement». Осенью 1915 г. по всей Англии проведен был «День русского флага» — благотворительная акция в пользу русских раненых. Резко вырос интерес к России, ее языку, литературе и культуре в целом. В университетах создавались славистические кафедры и программы, переводились русские авторы, открывались курсы русского языка, выходили специальные издания, посвященные России.

В 1915 г. группа английских писателей обратилась к русским коллегам с дружественным посланием, где давалась высокая оценка русской культуре. Московские писатели

послали ответ, в подготовке которого участвовал, среди прочих, Иван Бунин. В апреле 1915 г. в Москве учреждено было Общество сближения с Англией; в него входили видные профессора, в частности Максим Ковалевский, Павел Новгородцев, Алексей Дживелегов, а также Бунин и ряд других литераторов. Объединение носило отчетливо либеральный, кадетский характер. В Петрограде открылось Общество британского флага (позднее переименованное в Русско-английское общество), главной движущей силой которого был Корней Чуковский¹.

В конце 1915 г. он выпустил в издательства А.Ф.Маркса книгу об английских солдатских письмах с фронта «Заговорили молчавшие» (до того с апреля 1915-го печатавшуюся в «Русском слове») [Чуковский, 1915]. Эта книга вышла огромным тиражом в сентябре 1915 г. и была воспринята «на ура», рекомендована для учебных заведений и солдат и сразу же переиздана и переиздавалась еще и еще — только в 1915 г. вышло 4 издания. Ее закупали для армии и учебных заведений по всей России. (После революции она на 80 лет была заперта в спецхран.) Чуковский сразу послал ее в Лондон в русское посольство, и 19 февраля вышел 16-й номер «Times Russian Supplement» — «Русского приложения к Таймсу» — с восторженной рецензией.

Это было накануне визита в Англию делегации из шести русских писателей и журналистов, состоявшегося с середины февраля по конец марта 1916 г. Им предстояло убедиться самим и поведать русским читателям, что эта страна вносит достаточный вклад в войну.

Сама идея ознакомительной поездки русских писателей по Англии возникла в начале 1916 г. на фоне настойчивых слухов о намерениях России заключить сепаратный мир с Германией; как известно, сторонником примирения был Распутин. Многие к тому же считали, что Великобритания воюет русскими руками. Ср. в воспоминаниях одного из самых осведомленных современников, британского агента Р.Б. Локарта: «В начале 1916, в разгар войны, когда союзники, и особенно Россия, испытывали большие сложности, в Москве и Петрограде ходили слухи об открытии второго фронта, как это потом было в 1942 и 1943 годах. Говорили, что англичане не торопятся, они предпочитают попридержать свой флот, и Англия будет “сражаться” до последней капли русской крови» [Lokhart, 1952].

В начале того же 1916 г. и в английской прессе выражалось мнение о том, что Британия недостаточно делает для войны. Так, в «Таймсе» 16 января появилось письмо сэра Артура Конан-Дойля, в котором, как и во многих других материалах тех дней, предлагалось пересмотреть традиционное для страны отсутствие закона об обязательной воинской повинности. Публикация была приурочена к визиту 16 января 1916 г. в Лондон кн. Ф. Юсупова со специальным посланием от царя: Николай передавал, что он не верит обвинениям против Англии. Посол России в Лондоне гр. Бенкендорф² категорически заявил, что Россия не принимает никаких шагов отдельно от союзников.

В конце 1915 — начале 1916 г. русские войска под командованием генерала Юденича добились значительных успехов на Южном фронте. Взятие Эрзерума обострило в английском общественном мнении чувство вины за недостаточные военные усилия Британии.

Англичане уже начали подумывать и о послевоенном устройстве, предвкушая, что они займут место Германии в качестве главного поставщика современной техники в России. Россию им необходимо было убедить в дружественности и чистоте своих намерений. Популярный в Лондоне беглый депутат Думы Аладьин³ даже убеждал Британию открыть России Дарданеллы. Но англичане ограничились тогда более экономным решением: пригласить

группу русских журналистов и показать им, что именно делает Англия ради победы, с тем, чтобы они воздействовали на русское общественное мнение в положительном направлении. При этом настойчиво подчеркивался частный, а не политический характер визита. Уже по следам его, на Пасху, планировалось прибытие и русской парламентской делегации [Милюков, 1955]. Визит, реализовавший свою пропагандистскую миссию, подготовил тем самым почву для связей на более высоком уровне.

Считается, что план приглашения группы русских журналистов возник у британского посла в Петербурге сэра Джорджа Бьюкенена⁴. Впрочем, на самом деле накануне Англию посетила делегация других союзных журналистов — французских⁵, поэтому и визит русских гостей шел по обкатанной уже программе. Бьюкенен сам отобрал ее участников — так, чтобы наличествовал весь политический спектр. Либеральная петербургская «Речь» представлена была Владимиром Дмитриевичем Набоковым, основателем и вторым лицом в конституционно-демократической партии, известным борцом за конституцию. Он официально возглавлял делегацию⁶. От умеренно-националистического, «центристского» московского «Русского слова» прибыл ветеран русской журналистики Василий Иванович Немирович-Данченко⁷, корреспонденции которого запомнились английским читателям еще со времен Шипки и Плевны. Алексей Толстой был приглашен⁸ как корреспондент петербургских либерально-солидных, «профессорских» «Русских ведомостей», по мнению многих — лучшей русской газеты, где он успел напечатать цикл военных корреспонденций из Волыни и Галиции (осень 1914) и с Кавказа (февраль 1915), которые нравились и широкому читателю⁹, и ивановско-бердяевскому кружку¹⁰, и издать книгу «На войне» (1915).

Правое крыло, газету «Новое время», традиционно прогерманскую и антианглийскую, представлял Ефим Егоров¹¹, а официоз, «Правительственный вестник», — его бывший редактор Александр Башмаков¹². В ходе визита развернутые репортажи публиковали все авторы, кроме последнего, посылавшего только телеграммы на темы протокола.

В последнюю минуту, по настоянию Бьюкенена, в делегацию был включен и Корней Иванович Чуковский, за которым с периода его сотрудничества в революционной прессе 1905 г. закрепился ореол политически не вполне благонадежного журналиста. Несмотря на отсутствие необходимых документов, нажим Бьюкенена помог устранить все трудности, и Чуковского все же выпустили. Он поехал корреспондентом сразу от трех органов печати — газет «Речи», «Русского слова» и журнала «Нива» (точнее, иллюстрированного приложения к нему «Искры — Воскресенье»). Всем распоряжался корреспондент «Таймс» Роберт Уилтон¹³ — движущая сила всего проекта, организатор «Times Russian Supplement».

Писатели ехали за свой счет, но в Англии их окружили сказочным гостеприимством, поселили в фешенебельном отеле «Савой», их принял король Георг V, их возили на флот показывать сверхдредноуты (флот был окружен строжайшей секретностью, и его очень мало кто видел), в военные лагеря и училища, на военные заводы и отвезли в Бельгию на фронт — правда, на передовую не пустили. Во время и после этого визита появился ряд важных публикаций: В.Д. Набоков, возглавлявший делегацию, и его спутники А.Н. Толстой и К.И. Чуковский опубликовали тогда по серии газетных очерков, а затем издали каждый по книге, в которой объединили накопленные материалы. У Набокова она называлась «Из воюющей Англии» [Набоков, 1916], у Чуковского — «Англия накануне победы» [Чуковский, 1917]. Толстой же выпустил свои очерки во втором издании 6-го тома своего продолжающегося в московском «Книгоиздательстве русских писателей» собрания сочинений [Толстой,

1916, с.7–76]. Кроме них, в делегации участвовал 73-летний Василий Иванович Немирович-Данченко, но поездка была ему трудна, с английским он был не в ладах, автомобиль, в котором он осматривал фронт, чуть не подбили. Очерки его, судя по газетам, были не такими интересными; опубликовать их книгой он не успел — подготовленная рукопись, датированная 1917-м годом, так и осталась в архиве. Башмаков, представлявший «Правительственный вестник», не писал статей, а публиковал развернутые телеграммы об официальных приемах и спичах в честь делегации, а во время поездки надувал щеки, демонстрировал ордена и общался с деловыми кругами, в предвкушении окончания войны чуть ли не раздавая концессии). Егоров, делавший иностранный отдел «Нового времени» — газеты в то время антианглийской, — был в сложной ситуации: в одной из своих новременских статей после посещения военно-полевого лагеря он печально констатировал, что не увидел там ни одного солдата, у которого не было бы башмаков, чистой рубахи, амуниции; ни одного солдата, который был бы голоден.

Трое наших главных героев жадно впитывали английские впечатления, но всяк отреагировал на увиденное по-разному. Набоков и Чуковский свободно говорили по-английски: Набоков гораздо больше, чем другие, знал о больших политиках и военачальниках, с которыми посчастливилось встретиться делегации, а с некоторыми из них был знаком по своим предыдущим визитам в Англию: его книга содержит больше общественно-важной информации, а также драгоценных личных и биографических черточек его собеседников, с которыми он мог живо общаться. Алексей Толстой не знал ни слова по-английски, но не отставал от Набокова, стараясь всюду сопровождать его (с тем исключением, что на фронте его возил М. Бальфур). Информацию он воспринимая в основном с помощью Набокова, поэтому и впечатления их в основном сходны. (Таким же образом и Немирович поначалу зависел от Чуковского, пока тот не отстал от группы.) Однако мы знаем, что мысли Толстого были заняты другим. Все его существо было охвачено страстной любовью к жене, Н.В. Крандиевской, с которой они вступили в брак только год назад. Он предпринимал невероятные усилия, чтобы ему разрешили взять ее с собой, позднее — чтоб она смогла присоединиться к ним в Англии, пока она сама не поняла, что это невозможно и некорректно, и не отказалась от этой мысли. Толстой воспринимал Англию внешне, как художник-беллетрист, сосредоточившись на пластике — пейзажи Южной Англии и городские ландшафты Лондона, штормовая погода на палубе миноносца, энергичные описания невероятной новой техники на сверхдредноутах (он окончил Технологический институт и хорошо понимал, что видит), жанровые сцены в окопах и землянках на фронте в Бельгии. Фронтовой быт особенно был ему интересен — после полутора лет, 1914–1915, проведенных на Волыни, в Галиции и на Кавказском фронте.

Корней Чуковский, ценитель английской литературы, прекрасно ориентирующийся в Англии, где он до того успел прожить два года (1903–1904) в качестве лондонского корреспондента «Одесских новостей», выбрал оригинальную тактику — в отличие от двух других коллег, он построил книгу о поездке в Англию не столько на личных впечатлениях, сколько на английской иллюстрированной периодике и сосредоточился на тех коррективах, которые война внесла в повседневную жизнь. Это была вторая его книга об Англии: подобным же методом он уже воспользовался в 1915 г., сочиняя в Петрограде свою первую книгу об Англии — «Заговорили молчавшие. Томми Аткинс на войне» [Чуковский, 2008, с. 362–363].

И в газетных статьях об английской поездке, и в книге «Англия накануне победы» Чуковский в отличие от своих коллег не писал о дредноутах, военных заводах, встречах с героиче-

скими генералами, или о несчастном, разбомбленном дотла Ипре. Он увлекся исследованием социальной ткани воюющей Англии, ее изменившейся повседневной жизни. Он восхищался детьми военного времени — самоотверженными бойскаутами, ищущими, кто нуждается в помощи, он приветствовал эмансипацию женщин, заменивших ушедших на фронт мужчин на заводах, железных дорогах, за рулем автомобиля. Он до небес возносил Ллойд-Джорджа, министра снабжения, преобразившего экономику Англии, переведа ее на военные рельсы, и описывал, как англичане учатся сокращать свои потребности. Чуковский познакомился со специальными контингентами войск: ирландцами, канадцами, австралийцами и новозеландцами (анзаками, по тогдашней любви к аббревиатурам), поражаясь готовности, с которой бывшие колонии Англии сражаются на ее стороне. В отдельном очерке он с изумлением и восторгом рассказывает о еврейской дружине, сражавшейся в Галлиполи. (Потом он отредактирует перевод книги об этой кампании, написанной главой этой дружины полковником Джоном Генри Паттерсоном, и напишет к ней предисловие) [Паттерсон, 1917]. Ряд глав Чуковский посвящает англичанам — энтузиастам России, а также волне переводов с русского, захлестнувшей Англию.

Он задержался в Англии и поехал на фронт во Францию не с коллегами, а один, зато получил разрешение полетать на аэроплане, и в стуке пропеллера услышал «восторг и экстаз и обетование какой-то свободы, о которой мы тоскуем всю жизнь» [Чуковский, 1917, с. 53–54].

Главная идея его книги очень близка идее, одушевлявшей Набокова и Толстого: это здоровая зависть к стране, которая смогла сплотиться перед лицом военной угрозы и преодолеть внутреннюю рознь. Вторая книга Чуковского об Англии, как и первая, угодила при советской власти в спецхран, и о них мало кто знал.

Гостей встречали с феерическим радушием. На второй день им была дана королевская аудиенция. Некоторые ее обстоятельства поражают сегодняшнего исследователя. Главным героям дня оказался Корней Чуковский: теперь только становится понятно, почему британские власти оказали такое давление, чтобы он был включен в делегацию. Ведь именно его одного во время аудиенции король Георг V поблагодарил за заслуги перед Англией. Эти факты замалчивались и самим Чуковским, и его спутниками как на протяжении самой поездки, так и впоследствии, в советское время. Но они отражены в тогдашней британской печати. В «Таймс» сообщалось:

The Russian authors and journalists were received in audience at Buckingham Palace yesterday <...> They were introduced to his Majesty by Count Benckendorff, the Russian ambassador. The King shook hands with each member of the party and welcomed them in a few cordial words. Count Benckendorff brought to the King's notice the book that has recently been published in Russia by Mr. Chukovsky, and about which the British public first learned from "The Times Russian Supplement". The King turned to Mr. Chukovsky with words of appreciation of his service to Britain as a translator of British soldiers' letters¹⁴.

Затем король сказал русским гостям: «See my troops drilling, my fleet, and the work of munition factories...»¹⁵ Русских журналистов поразило, что он сказал «мои войска» и «мой флот».

В 1916 году Толстой изложил эпизод аудиенции взволнованно и уважительно, но напирал больше на декоративную сторону — описывал огромный дворец, пустой старый сад вокруг него, а о самой аудиенции особенно не распространялся:

«Король был в черном сюртуке, и все на нем, и платье, и башмаки, казалось не новым и хорошо обношенным. Волосы разделены посредине на пробор. Приветливо поздоровавшись

и затем глядя на нас внимательно серыми, выпуклыми глазами, король сказал то, что уже передано в газетах. Граф Бенкендорф стоял налево, и то надевал, то сбрасывал монокль» [Толстой, 1916, с. 71–73]. При этом о том, что именно «передано в газетах», автор не говорит ни слова.

Главным героем в этом эпизоде выглядит Чуковский, как то и было на самом деле, однако поданный в комической тональности. (Насмешки над ним вообще идут с первых строк очерка Толстого: и на поезд Чуковский является в последнюю минуту, без воротничка, без вещей, без паспорта, с пустым чемоданом, — у остальных были горы чемоданов, несессеров и портпледов, — и выезжает за границу по какой-то «липовой» справке). Даже на королевский прием этот анфан террибль приходит без запонки и в последнюю минуту еще и норовит улизнуть: «Чуковский сказал, что хорошо бы удрать». Но ни слова об огромной роли, сыгранной Чуковским в англо-русском сближении, нет ни у Толстого, ни в книге Набокова, мы не знаем почему, — и не исключено, что таково было желание самого Чуковского, также нигде и никогда не упоминавшего об этой своей минуте славы.

Десять лет спустя, в 1927 г., в момент разрыва дипломатических отношений с Англией, Толстой пишет свой собственный «ответ Чемберлену»: он ревизует свою поездку в Англию 1916 г. Встречавшие его офицеры, которыми он так восхищался, превращаются теперь в шпионов, простота генералов оказывается лицемерием, а эпизод аудиенции разворачивается в сатирическую зарисовку, полностью лишённую всякого волнения или благоговения, — на наш взгляд, восхитительную:

«Король пожелал видеть поданных своего кузена, представителей русского народа (шестерых журналистов), и передать им свои симпатии и выражение надежд на будущую вечную дружбу между двумя великими народами. Предстоял момент исторической важности.

Рубахи-парни засуетились. “Хотя, — говорили они, — наш король как личность не является какой-нибудь особенно замечательной личностью, например, он приехал на фронт и во время парада упал с лошади, что некоторые мало воспитанные джентельмены приписали действию спиртных напитков, или он не блещет остроумием, как его покойный отец Эдуард, и не стоит во главе мужских мод законодателем... (Вы, например, помните, как Эдуард подвернул брюки во время дождя, и после того весь мир стал шить себе брюки с подвернутыми концами... А галстуки короля Эдуарда! А знаменитая расстегнутая пуговица внизу жилета!)... Словом, наш король тихий человек, но король — это герб Англии, это символ и честь Англии, идея незыблемости общественного порядка”.

“Поэтому вам (шестерым журналистам) нужно приобрести атласные цилиндры и представляться в визитках, при черных галстуках и в перчатках, которые должны отнюдь не быть надетыми на руки, но лежать в левом кармане брюк (в полоску, при башмаках — верх желтой кожи, головка лакированная)”.

В одиннадцать часов утра журналисты появились в вестибюле Букингемского дворца. Ливрейный лакей саженного роста отобрал у них новые цилиндры и перчатки, положил их на стол, а снятые пальто бросил на цилиндры, считая (с цинизмом), что цилиндры уже сыграли свою роль.

В огромном холодноватом зале, где ноги утопали в малиновом ковре и где за большими окнами, опускающимися до самого пола, расстилалась снежная поляна с зеленеющей кое-где травой и проступали в глубине сквозь туман унылые очертания деревьев, — в этой пустынной приемной представителей загадочного народа встретил министр двора.

Это был человек с седыми усами, грустный на вид, в черном сюртуке. Он говорил вполголоса, так как была война и веселиться и прыгать было просто неприлично. Он бегло осмотрел, все ли в порядке у гостей, и направился к высоким дверям, с боков которых стояли два таких же высоких лакея в зеленых ливреях. Двери раскрылись, и журналисты гуськом вошли в королевский кабинет. Министр двора очень ловко, не толкаясь и даже не указывая, но так, как будто это само собой вышло, выстроил представителей наискосок по кабинету, в линеечку. Затем став на левом фланге, слегка покрутил монокль на шнурке. На стенах висели портреты русских царей и цариц, английских королей и королев, австрийских императоров и императриц, а также картины, изображавшие сражения. Электричества, несмотря на туман за окном, не зажигали, видимо, все оттого же, что по случаю войны нечего распрыгиваться с электричеством.

Незаметно вошел маленький человек, причесанный на прямой пробор. Его выпуклые, немигающие серые глаза с кровавыми жилками, как стеклянные, глядели на правофлангового. Поглядели и перекатились к следующему, и так до конца, где министр двора изящно склонился. Маленький человек неожиданно вдруг густо кашлянул. Это был король. Та же борода, те же усы серпом, что у Николая, но лицо другое — меньше, маленькое, покрытое сеточкой кровавых жилок. Лицо человека, который, видно, хлебнул беспокойства, но держится, разве что в сумерки уйдет к себе, один, — сидит, покашливает в пустом кабинете. Герб, символ, — не легко.

Король был одет в черный поношенный сюртук, в теплые брюки, под которыми как-то не чувствовалось ног, в поношенные штiblеты (верх желтый, головка лакированная).

Кашлянув, он снова принялся глядеть на правофлангового и заговорил глуховатым голосом:

— Я рад приветствовать вас, мистер такой-то, и вас, мистер какой-то... (Всех помянул...)

Надеюсь, что гостеприимство, которое вы встретили, соответствует нашим чувствам. Теперь война, но бог хранит наше оружие. С помощью бога общими усилиями мы победим. Право, справедливость и нравственность восторжествуют. Передайте вашим соотечественникам, что Англия никогда не забудет тех жертв, которые Россия принесла в эту войну.

Затем король быстро подал руку с правого фланга каждому, министр опять склонился, и король бодро вышел. Историческое мгновение было окончено и запечатлено в душах. Каждый твердо верил в королевское слово о том, что Англия не забудет о принесенных ей в жертву семи с половиной миллионах русских мужиков» [Толстой, 1958, с. 100–102].

Король здесь — кукла, человечек со стеклянными глазами и тряпичными ножками, с неподходящим к этому образу густым кашлем и неуместной бодростью — намек на личностные проблемы. Автор издевательски сопереживает «тихому человеку» на нелегкой должности. И в этой версии ни слова не сказано о роли Чуковского, не упоминается и о присутствии Бенкендорфа, а моноклем вместо него играет министр двора.

Предысторию и добавочные детали той королевской аудиенции можно найти в книге Набокова: выясняется, что неспроста король бодрился:

«Мы были приняты королем на третий день нашего приезда. Речь, с которой король к нам обратился, выражая свое искреннее удовольствие по поводу нашего приезда, поздравляя нас с падением Эрзерума и высказывая надежду на прочность и постоянство сближения России с Англией, не могла не произвести на нас глубокого впечатления. Король говорил громким, энергичным голосом, отдельно и отчетливо выговаривая слова. Одет он был в черный сюртук и держался в высшей степени просто и любезно. Говорят, он теперь оправился от послед-

ствий несчастного случая, приключившегося с ним во Франции, когда под ним опрокинулась лошадь и дважды его придавила. Теперь он выглядит бодрым и здоровым. Во время речи короля мы стояли перед ним полукругом, причем я был ближе всех, справа от короля. Эти объясняется то, что, по окончании речи, король обратился ко мне, спрашивая, был ли я уже в Англии раньше. Отвечая королю, я от имени всей нашей группы высказал, как глубоко мы тронуты его милостивым вниманием, и как будем рады передать о нем русскому обществу» [Набоков, 1916, с. 26].

Вечером после аудиенции в самом шикарном отеле Лондона, легендарном «Ритце»¹⁶ состоялся банкет, на котором председательствовал лорд Бернам, глава Ассоциации владельцев газет. Лорд Сесил¹⁷, поднявший тост за «императора всех Россий» (sic!) в своей речи опровергал тех, кто считает его неподходящим союзником для Британии; мелкие различия в институциях не столь уж важны. Сесил высоко оценил книгу одного из русских писателей, где подчеркивается идеализм великого британского солдата и его глубинное сходство с солдатом русским (т.е. книгу Чуковского): Фридрих свое царство основал на обмане, тогда как Александр I был идеалистом и джентльменом. Таков же Николай II. В ответ К.Д. Набоков¹⁸, советник российского посольства, поведал о братских чувствах и той любви, которую царь питает к Англии [The Times, 1916]. На следующий день Николай II был возведен в чин британского фельдмаршала.

На банкете была высказана мысль, что русским журналистам надлежит быть глазами и ушами — но вовсе не устами русского народа. Предполагалось лишь, что у себя дома они расскажут о виденном в Англии. Соответственно, в своих публичных выступлениях русские журналисты старались не затрагивать отечественные внутривнутриполитические разногласия. Исключением был В.Д. Набоков, профессиональный политический деятель, энтузиаст нарождающегося парламентаризма, оказавшийся в Англии в момент, когда деятельность Думы в очередной раз была приостановлена. Главной целью его было добиться такого сближения с Англией, которое бы благотворно влияло на внутреннюю политику России, и во время визита он, многократно выступая по-английски, побуждал английское общественное мнение влиять на русские власти в этом направлении. На ланче, устроенном в его честь, он сказал, что неверно думать, будто к России неприменимы английские идеи и институции: так думает только узкий круг, верящий в прусский железный кулак, в прусский абсолютизм, прусское пренебрежение к идеалам и прусские способы управляться с меньшинствами [The Times]. Егоров в своих статьях в «Новом времени» и в «Таймс» негодовал на «антипатриотическое», как он считал, поведение Набокова и его единомышленников, призывая англичан к тому, чтобы, воздерживаясь от советов, позволить русским самим развивать свои внутренние учреждения.

Набоков настоятельно утверждал, что, хотя англичане замалчивают эту тему, подлинное сближение обязательно должно будет затронуть и ее: он писал в книге «Из воюющей Англии»:

«Ни для кого не тайна, что именно в Англии всего живее и болезненнее было отрицательное отношение к некоторым внутренним сторонам русской жизни, с которыми не могло мириться английское сознание, выросшее на почве уважения к свободе и праву. В настоящее время об этих сторонах англичане умалчивают. Я не имею в виду прямых разговоров, так как, помимо всего, личный такт англичан удержал бы их от некоторых тем. Нет, даже печать тща-

тельно обходит эти темы. Другое отношение сейчас, конечно, невозможно. Но нет ни малейшего сомнения в том, что истинное сближение в будущем окажется несовместимым с таким замалчиванием всего, что по существу препятствует взаимному сочувствию и пониманию» [Набоков, 1916, с. 19]

В конце поездки Набоков подытожил ее результаты в газете «Речь», в статье «Письмо при отъезде из Англии», которым он закончил и свою книгу: в нем он от души благодарил организаторов визита за великолепный прием, выражал восхищение увиденным в Англии — могущественным флотом и колоссальным размахом в строительстве вооруженных сил, а главное — изумительным человеческим материалом [Набоков, 1916, с. 128–129]. Но в конце политик все же выражал уверенность в том, что Британия не одобряет самодержавный метод правления.

«На нашу теперешнюю связь с Англией можно смотреть двояко. Можно видеть в ней только внешний союз, служащий внешним целям и не затрагивающий внутренней жизни наших стран. Это взгляд традиционный — может быть, даже официальный, — и мы хорошо знаем, на каких избитых аргументах он базируется. Но есть и другой взгляд, — и для меня лично он представляется единственно правильным. Те, кто желает его дискредитировать, усматривают в нем призыв, обращенный к одному государству и побуждающий его вмешиваться во внутренние дела другого. Но такое смешение понятий недопустимо. Можно оставаться убежденным сторонником абсолютной самостоятельности каждого государства в его внутренних делах, и в то же время признавать, что, по самой силе вещей, внутреннее сближение неразрывно со взаимным влиянием, — влиянием интеллектуальным, моральным, даже эстетическим. И если, в результате, у нас должны получить более общее признание и более активное значение те политические и социальные идеи, на которых основана государственная и общественная мощь Англии, то истинные друзья прогресса, права и свободы не могут не желать ото всей души, чтобы росло и укреплялось это благодетельное влияние» [Набоков, 1916, с. 129–130]

Как раз во время визита деятельность Государственной думы была возобновлена, и англичане восприняли это с радостью.

Британская пресса, со своей стороны, подробно освещала политические аспекты союза с Россией и вела дебаты о степени его желательности. Обсуждалось, в частности, подозрение насчет того, что Россия после взятия Эрзерума сможет направить свои силы на юг и через Персию выйти к английским колониям — Пакистану и Индии. В Великобритании панически боялись такого передела мира. Соглашение 1907 г. разрешило далеко не все спорные вопросы, соперничество на Востоке никуда не делось. Журналисты вспоминали даже поддельное завещание Петра Великого, призывавшее обратить взоры России на Индию. Во время одного из банкетов на эту газетную кампанию отвечал Немирович-Данченко. Начав со своей отроческой любви к английской литературе — Теккерею, Маколею, Боклю, он заявил, что нечего и думать, будто Петр мог завещать своему народу подобную глупость, и уверял, что в России люди, мечтающие о завоевании Индии, сидят в сумасшедшем доме. Ветеран вспоминал своих учителей — великих военных корреспондентов Мак-Гахана и Форбса¹⁹, с которыми сдружился на снежных высотах Шипки. Они хотели взаимопонимания с Россией, и вот оно настало.

Став, как и просили их англичане, «глазами и ушами своего народа», русские журналисты добросовестно воссоздали не только реалии передовой военной техники и позиционных укреплений, но и иной, чем в России, социальной ткани, иной организации национальных

«военных усилий»), картину иных человеческих отношений. Больше всего их потрясло то, как Англии, напрягшей все силы ради войны и подчинившей ей все интересы, удалось преодолеть политическую рознь. Они не могли сказать англичанам, что их собственная страна находится в состоянии развала и ожидания катастрофы.

В полном издании дневника Чуковского есть запись, изъятая из первой печатной версии. Оказывается, Набоков сказал ему:

«— Я постоянно чувствовал стыд: англичане из кожи лезли, чтоб доказать нам свою готовность воевать, а я думал только об одном: что у нас все висит на волоске и вот-вот треснет и разлезется по швам.

После тех приветствий, которыми встретила нас тогда лондонская публика, он однажды сказал:

— О, какими лгунишками мы должны себя чувствовать. Мы улыбаемся, как будто ничего не случилось, а на самом деле...

—А на самом деле — что?

А на самом деле в армии развал; катастрофа неминуема, мы ждем ее со дня на день...

Это он говорил ровно за год до революции, и я часто потом вспоминал его слова» [Чуковский, 2003, с. 290].

Поскольку визит совпал с началом боев на Верденском выступе (21 февраля), интерес к гостям поблек еще во время их поездки. Лорд Бернам предложил организовать ответный вояж английских журналистов, но русские власти вовсе не хотели, чтобы те увидели, как на самом деле обстоят дела на фронте и в тылу в России. События следующего года лишили эту тему актуальности, а вскоре Англия стала противницей России, охваченной революцией.

После революции Немирович-Данченко, Набоков, Толстой, Башмаков и Егоров эмигрировали, из участников поездки в России оставался один Чуковский.

В ноябре 1918 г. в разгар Гражданской войны, находясь в белой Одессе, где власть Добровольческой армии держалась на ниточке, Толстой приветствовал высадку союзных англо-французских войск в газетной статье, озаглавленной «Пусть они не ошибутся». Писатель испытал сложные чувства, увидев на набережных английских моряков, собравшихся защищать город: он сразу опознал «их добродушные, точно детские лица, открытые и ясные — таких лиц я уже год не видел в России. И сразу понял, что это англичане. — Я понял, что взволновало и уязвило меня: это были стыд и отчаяние. Только что я видел людей другой породы. В каждом движении, в складке платья, в походке, в повороте головы, в улыбке — чувствовалось, что эти простые, веселые матросы несут с собою, неотделимо, как цвет их крови, гордость, честь, славу своей родины. Шапочки, надвинутые на глаза <...> говорили: мы — дети Англии, <...> мы — те, кто победил в мировой борьбе, мы — те, у кого есть милая родина. <...>Мне было так гадко, что хотелось лечь в грязь и слдохнуть» [Толстая, 2006, с. 304–308].

По этому поводу Толстой вспомнил свою недавнюю поездку в Англию

«Вы никогда не слышали о поездке русских журналистов в Англию? Я вам напомину: по поручению английского правительства, шесть русских журналистов приехали в Лондон и были встречены с королевской пышностью. Им устраивали торжественные банкеты, где сэр Эдвард Грей²⁰ и лорд Сесиль приветствовали Россию; им показывали парламент — ум и сердце Англии — во время бурных прений, когда Асквит²¹, красный от возбуждения, боролся с паци-

фистами; их возили на север Шотландии, где адмирал Джеллико²² поднимал бокал за русский флот, а дредноут «Королева Елисавета» проходя, салютовал, подняв, как колонны, все свои чудовищные пушки; и, наконец, главнокомандующий Хег²³ пил с ними за славу русского оружия и за те фантастические полки, которые, в невозможных условиях, штурмом взяли Эрзерум. Все видели и слышали шесть русских журналистов, и у всех шести было чувство страха, что англичане не знают России до конца, что они слишком щедро открыли свои сокровища, что не мешало бы предостеречь их — не особенно доверяться тем людям, которые не умеют еще произносить слова — Родина» [Толстая, 2006, с. 304–308].

Англичане и французы, заключал Толстой, «помогут нам — лишь при условии, что мы дело родины поставим каждый выше своего личного дела, что мы пойдем впереди, при условии, что их протянутая рука встретит руку мужчины, а не мокрые, теплые пальцы мерзавца. Пусть союзники на этот раз не ошибутся в нас, как тогда, когда приветствовали шестерых испуганных журналистов» [Толстая, 2006, с. 304–308].

Мы помним, что и Чуковский, и Толстой, и, по-своему, Набоков в своих статьях и книгах проецировали на раздираемую распрями Россию спасительный идеал внутринационального примирения перед лицом общей угрозы, идеал, который они увидели в Англии²⁴. Примирения, однако, не получилось, и страна рухнула.

В начале 1922-го Набоков был убит в Берлине, защитив своей грудью Милокова от пули монархиста. Толстой год спустя, после 5 лет в эмиграции, вернулся в Россию. Чуковский в советское время английский эпизод в печати не вспоминал, а писал о нем лишь неформально, в «Чукоккале». Английский вояж канул в Лету, так и не став достоянием истории, поскольку основные тексты о нем стали малодоступны.

На этом фоне в 1927 г. в уже упомянутом эссе «Англичане, когда они любезны» Толстой ревизовал его, реагируя на разрыв англо-французских отношений. История этого разрыва такова:

В мае 1927 г. лондонская полиция произвела обыск в помещении советского торгового представительства и фирмы «Аркос Лтд», заподозренной в шпионаже в пользу СССР. Изъятые при обыске документы содержали свидетельства о подрывной деятельности СССР в Китае и колониях Британской империи. Это послужило основанием для расторжения всех британских торговых соглашений с Россией. Разорванные одновременно с этим дипломатические отношения были восстановлены только в 1929 г. Премьер-министром Великобритании в это время был жесткий консерватор Стэнли Болдуин (1867–1947). В финале очерка 1927 г. за фигурой Асквита, призывавшего в 1916 г. к мести Германии, автору мерещится хищный облик министра иностранных дел в 1927 г. Невилла Чемберлена, изрыгающего угрозы в адрес Советского Союза. Заканчивается очерк ликующим сообщением о взятии Шаньютоу (в тексте Толстого — в транскрипции Сватоу). Этот город был действительно взят войсками Гоминдана, китайскими националистами, воевавшими против Шанхая, поддерживавшего британцев и американцев. Вместе с Гоминданом тогда выступили коммунисты, отсюда и ликование в советской прессе.

Если в статье Толстого 1918 г. нет еще попыток свалить на англичан и вообще союзников вину за развал и крушение исторической России, то такая модель появится в его очерке 1927 г. Надо сказать, что позиция союзников, последовательно не дававших обескровленной России заключить мир с Германией, а после революции не слишком рвавшихся спасти

историческую Россию, многими авторами, писавшими о Гражданской войне, оценивалась как решающий фактор, помогший победить большевикам; в числе этих авторов были умнейшие Виктор Шкловский в «Сентиментальном путешествии» (1922) и А. Ветлугин (В.И. Рындзюн), оба близкие к Толстому (Ветлугин в Париже и в Берлине в 1921–1922, Шкловский в Берлине в 1922–1923 годах). Так что за переменной взгляда Толстого на союзников стоит двойная мотивировка: не только верноподданническое усердие угодить советским властям, оплевывая Запад, но и оправданная досада русского «государственника», каким всегда был Толстой, на предательскую измену «англичанки». В этой перспективе тирады Асквита о местности Германии звучат особенно знаменательно — ведь именно союзники не давали заключить демократической России мир «без аннексий и контрибуций», и дело кончилось ее падением и Брестом.

В английских корреспонденциях Толстого главное все-таки — не техника и организация и не дипломатия, а восхищенное восприятие английского национального характера. Офицеры выглядят спокойными, милыми, беззаботными; везде написано «Keersmiling», о немцах говорят со спокойным, сдержанным достоинством, без истерики и злобы. Чрезвычайно нравится ему и их манера обращаться с начальством, почтительная и исполнительная, но без искательства, непринужденная и исполненная достоинства. Такие люди хороши во всех ролях: товарищей, начальников, подчиненных. Во время визита к Уэллсу более всего впечатляет то, что он, социалист-утопист, дружит семьями с издателем реакционной газеты. Подобные зарисовки, возможно, самое ценное в толстовских очерках: тут и простуженный, с воспаленными глазами, генерал, год просидевший в окопах, в жидком иле; тут и англичане, показавшие секреты, о которых следовало в ту же минуту забыть, но, в расчете на порядочность гостей, не предупредившие, что об этом нельзя писать. Все офицеры простодушны, открыты, с огоньком юмора, и разница между ними лишь та, что один командует армиями, а другой только пятью десятками людей в окопе. Каждый — прежде всего человек и джентльмен.

Именно это восхищение цензуровалось Толстым в вышеупомянутом очерке 1927 г., написанном спустя десять лет для советского читателя. Здесь англичане — хитроумные агенты спецслужб, цинично имитирующие дружелюбие, они строят из себя простачков, действуя в корыстных целях:

В промежутки между осмотрами военных заводов, флота и фронта устраивались для гостей банкеты с министрами и с членами королевского дома (с теми, которые любили крепкие напитки). На одном таком банкете герцог Девонширский²⁵, — про которого гостям сообщили, что у него «лицо Старой Англии», а лицо у него было багровое от постоянного употребления портвейна (напиток хорошего тона), с большим носом и усами, закрывающими рот, сказал гостям спич: «Черт возьми! Я хорошо не понимаю, зачем вы сюда, собственно говоря, приехали, но, видимо, вы — теплые ребята, — давайте выпьем...» (За столом громкий и добродушный хохот, переходящий почти в умиление.)

Это был стиль грубоватого добродушия, так сказать — морской, соленый... (душа Старой Англии). Этого стиля держались почти все, кому требовалось производить впечатление на гостей. Только и видно было добродушнейших, — почти что придурковатых, — людей-рубах. Ты, мол, да я, мол, англичанин да русский, — давай, парень, выпьем...

Даже сэр Эдуард Грей²⁶ (на другом банкете), задававший тон всей политике, прикинувшись простачком, похохатывал. Когда его спросили (я его спросил): много ли он путешествовал? — он посмотрел на меня детскими глазами:

— Я никогда не был на континенте. (То есть он хотел сказать — в Европе.)

— Почему?

— А я боюсь, что украдут мой багаж.

Другого стиля гостям не показывали. При них неотлучно находились рубахи-парни, офицеры, по всей вероятности, из контрразведки. Они возили гостей и по театрам, и по выставкам, и в кабаки.... [Толстой, 1958, с. 97–98].

Несмотря на эти позднейшие ревизии, вполне вероятно, что именно при чтении английских газетных корреспонденций 1916 г. Чуковского, Толстого, Набокова у русского читателя начал формироваться идеальный образ немногословного и надежного, самоотверженного и скромного британского офицера, который, по всей вероятности, оказал прямое влияние на показ положительных активных героев русской литературы последующего периода, например пильняковских коммунистов в «Голом годе».

Отдельный вопрос — то, как портреты английских генералов и адмиралов, бесконечно простых, скромных и человечных, «с огоньком юмора в глазу», могли повлиять на образы, которыми вскоре преисполнилась советская официозная словесность — «самого человеческого человека», а затем и «отца народов». По-видимому, к 1924–25 годам, когда оформлялся культ Ленина, соответствующие черты успели размножиться, банализироваться и превратиться в расхожие клише. Что же касается повторения подобных черт в портретах Сталина, в том числе и у самого Толстого, в середине тридцатых годов²⁷, то здесь мы имеем дело не с самоцитированием, а скорее с поэтикой нового классицизма, в которой заслуга состоит в воспроизведении уже имеющихся образцов, получивших свой нормативный характер именно в силу своей расхожести и привычности.

И, наконец, можно поставить вопрос о влиянии корреспонденций участников визита на создававшийся новый культ Англии в России, от поэзии Киплинга, полюбившейся молодому поколению и до скаутизма в его советских версиях, следом которого остался «Тимур и его команда» и теннисоновский скаутский девиз в «Двух капитанах» Каверина. Культ этот распространялся также на быт, дизайн, моду. Тут можно предполагать, что глубокое впечатление мог произвести ряд зарисовок Толстого, запечатлевших английскую роскошь и интерьеры, а также восхищенный пассаж заядлого англомана Набокова, воспевающий английский стиль в военной одежде. Его поразило в Лондоне количество людей, одетых в (квази)военную форму (напомним, что Набоков был в 1914 г. призван и в описываемое время служил в чине прапорщика, поэтому был знаком с темой не понаслышке):

«Правильно было бы сказать: одетых в хаки и носящих фуражки с большими козырьками и кокардами. Дело в том, что военных атрибутов этот костюм совершенно не имеет. Холодного оружия не носят, офицеры ходят с палкой или тросточкой в руках. Внешний вид — крайне разнообразный. Практичные во всем, англичане стремятся прежде всего к удобной военной одежде. Оттого она имеет у них какой-то спортивный вид: короткое пальто с отворотами, кругом шеи широкий вязаный шарф, толстые шнурованные ботинки из желтой кожи, высокие краги, затягивающиеся ремнями, а при более “домашней” форме — обыкновенные панталоны из хаки, с завернутыми краями. Под пальто китель, тоже открытый, белье и галстук защитного цвета. В ненастную погоду сверху пальто надевается overcoat — нечто в роде непромокаемого плаща. Материал, употребляемый на все эти виды одежды, — насколько я мог убедиться, — превосходного качества» [Набоков, 1916, с. 14]

В последующие годы ценность и даже сверхценность всего английского возрастала в прямой пропорции ко все возрастающей редкости его и недоступности.

¹ Корней Чуковский был энтузиастом и популяризатором английской (и американской) литературы в России, переводчиком Уитмена; в 1903–1904 гг. — лондонский корреспондент «Одесских новостей»; радикальный журналист в 1905–1906, арестованный за публикацию оппозиционных материалов в своем журнале «Сигнал»; тогда уже знаменитый литературный критик, автор десятков первоклассных критических очерков о современных русских писателях. Толстому он также посвятил очерк (достаточно нелицеприятный), вошедший в его книгу «Лица и маски» (1914).

² Бенкендорф Александр Константинович (1849–1917) — граф, русский дипломат. Сын начальника III Отделения (тайной полиции), созданного при Николае I. С 1903 г. и до своей кончины — посол в Великобритании, архитектор Русско-английского союза 1907 г. Жена его, гр. София Бенкендорф, сыграла центральную роль в организации благотворительных начинаний в пользу русских военнопленных.

³ Аладыин Алексей Федорович (1873–1927) — русский политический деятель. За революционную пропаганду был исключен из университета, эмигрировал. В 1905 г. вернулся в Россию, был избран в I Государственную думу от симбирских крестьян. Один из создателей Трудовой группы. В 1906 г., спасаясь от ареста за революционную деятельность, бежал за границу, жил в Великобритании, читал лекции о России, активно способствовал англо-русскому сближению. В июле 1917 г. вернулся в Россию, поддержал генерала Корнилова, затем примкнул к Белому движению, занимался эвакуацией войск из Крыма. Умер в Великобритании.

⁴ Сэр Джордж Уильям Бьюкенен (1854–1924) — дипломат, посол Британии в России с 1910 г. В 1916 г. был избран почетным гражданином Москвы, его портрет писал Репин. В январе 1917 г. предупредил Николая о необходимости пойти на либеральные уступки. Пытался обеспечить царской семье возможность уехать в Англию, но этот замысел не удался по малодушию Георга V, опасавшегося у себя взрыва революционных настроений. Покинув Россию, закончил свою карьеру послом в Ватикане.

⁵ Участниками поездки были известные журналисты Стефан Пишон, Рене Базен и Пьер Милль [Набоков, 1916, с. 29]; до них флот посетили американские журналисты, а также двое русских: Владимир Жаботинский и Л.Л. Городецкий (там же, примеч.).

⁶ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) — русский юрист и общественный деятель, один из учредителей кадетской партии, товарищ председателя ее центрального комитета (П.Н. Миллюкова). Управляющий делами Временного правительства, член Учредительного собрания от Петроградской губернии. Бежал в Крым, эмигрировал в Лондон, затем в Берлин, где вместе с И. Гессеном основал газету «Руль». Убит монархистом, стрелявшим в Миллюкова, которого Набоков заслонил собою. Толстой возобновил с ним дружеские связи в Берлине и способствовал публикации ранних литературных опытов Набокова-сына. На гибель В.Д. Набокова он откликнулся трогательным мемуарным очерком в газете «Накануне».

⁷ Немирович-Данченко Василий Иванович (1848–1936) — журналист, плодовитый писатель, автор многочисленных путевых очерков, военных и исторических романов. Военный корреспондент на Русско-турецкой (1877–1878), русско-японской и затем на Первой мировой войне. Эмигрировал, в 1921 г. в Ревеле опубликовал интересные мемуары «На кладбищах». Умер в Праге. Свои английские очерки отдельным изданием опубликовать не успел, рукопись его книги «У союзников» хранится в РГАЛИ.

⁸ О включении Толстого в делегацию сохранился колоритный и не слишком доброжелательный эпизод в книге Роберта Брюса Локарта «Моя Европа»: «...Нашим послом мне было поручено встретиться с Алексеем Толстым. Я без труда связался с ним и сразу же пригласил на обед в Эрмитаж, модный в то время московский ресторан. Толстой оказался крупным мужчиной, но в его полноте было что-то болезненное. Дородный, темноволосый, тщательно побритый, с массивным синюшным подбородком и эксцентричным вкусом в одежде, этот человек удивил меня своим обжорством даже по русским стандартам. Его привело в восторг мое желание заплатить по счету, а я с возрастающей тревогой все ждал, когда же он, наконец, наестся и напьется вдоволь. Этот обед мне дорого обошелся, но еще задолго до его окончания я заручился согласием Толстого поехать в Англию. С каждым бокалом выпитого вина его энтузиазм возрастал. Он признался, что Англия — это страна, которой он всегда восхищался. И добавил, что эти отвратительные слухи, направленные против англичан, создаются “прогерманскими свиньями” в Петрограде. <...> Я сомневался, что он справится с поставленной задачей.

Перед своим отъездом Толстой пришел попрощаться. На этот раз на нем были надеты обвислые шаровары, черная тужурка из шкуры какой-то дворняжки торчала из-под сюртука, и под ней ещё виднелась короткая жакетка. Все это дополнялось огромным отложным воротником и развязанным галстуком-бабочкой. Толстой выглядел как старомодный франт. Уходя, он облачился в огромную шубу. На его голове красовался странного вида котелок, которому мог бы позавидовать даже господин Черчилль. Это захватывающее зрелище только усилило мои сомнения относительно его успеха. (Англичане пришли в ужас и при виде членов русской парламентской делегации, приехавшей в Лондон на Пасху 1916 г. — в России понятия о дресс-коде сильно отличались от английских. — *Е.Т.*)

Я сильно ошибся. Алексей Толстой вернулся из Англии в приподнятом настроении. Ему все понравилось, и, преисполненный энтузиазмом, он на одном дыхании написал серию статей в восхвалении Великобритании. Москвичи зачитывались его очерками. С этого времени Алексея Толстого стали считать самым крупным русским англофилом, появившемся в Обществе по Установлению Дружеских отношений с Англией...» [Lokhart, 1952].

⁹ Ср.: «Голлербах цитировал рецензию на книгу военных очерков Толстого, написанную Ал. Ожиговым (псевдоним А. Ашешова), где тот писал, что Толстой остался в ней “цельным и вдумчивым художником”, в котором “нет шовинизма и опьянения жутко-сладким вином войны, нет развязности и бахвальства, нет националистической слащавости и приторности”» [Толстая, 2006, с. 37].

¹⁰ Аделаида Герцык писала М. Волошину 4(17) ноября 1914 г.: «Пра посылает Вам корреспонденции Алексея Толстого. Они оч[ень] хороши» [Толстая, 2006, с. 36]. Именно в одной из кавказских корреспонденций Толстого («Письма с пути») Вячеслав Иванов прочел фразу, вдохновившую его, о том, как пароход выходит в море из устья реки: Он дал ее эпиграфом к своему стихотворению «Дельфины»: «В снастях и ряях засвистел ветер, пахнувший снегом и цветами; он с силой вылетал на свободу из тесного ущелья.... Из-под самого пароходного носа стали выпрыгивать проворные водяные жители — дельфины; крутым побегом они выскальзывали на воздух, опустив хвост, описывали дугу и вновь погружались без всплеска» — Ср. у Вяч. Иванова:

Ветер, пахнувший снегом и цветами,
Налетел, засвистел в снастях и ряях,
Вырываясь из узкого ущелья
На раздолье лазоревой равнины.
Как Тритон, протрубил он клич веселья,
Вздых весенний кавказского Борея,
Вам, курносые, скользкие дельфины,

Плясуны с крутогорбыми хребтами.
На гостины скликал вас, на Веснины,
Стеклоокого табуны Неря,
С силой рвущийся в устье из ущелья
Ветер, пахнувший снегом и цветами.

[Иванов, 1979, с. 503–504]

Иванов опустил только начало второго предложения «Из желтоватой воды» [Толстой, 1916, с. 102]. Как видим, и тема скользкости дельфинов, и тема выхода на свободу из ущелья реки в море взяты здесь из очерка Толстого. Реалистическая желтоватая вода у Толстого опущена, потому что она мешала ивановской символической лазури. Чуковский писал в мемуарном очерке: «В 1913 году Вячеслав Иванов написал стихотворение “Дельфины”, к которому взял эпитафией отрывок из толстовских “Писем с пути”. Отрывок начинается так: “В снастях и ряях засвистел ветер, пахнувший снегом и цветами”. Этот отрывок так понравился Вяч. Иванову, что он целиком перенес его в свое стихотворение:

Ветер, пахнувший снегом и цветами,
Налетел, засвистел в снастях и ряях... и т. д.

Стихотворение помечено мартом 1913 г. Напечатано в “Невском альманахе”, 1915. ...» [Чуковский, 2007, с. 261, примеч. 3].

¹¹ Егоров Ефим Александрович (1861–1935) — секретарь Религиозно-философских собраний в Петербурге и журнала «Новый путь», с 1904 заведующий отделом иностранной политики газеты «Новое время». Эмигрировал.

¹² Башмаков Александр Александрович (1858–1943) — крупный чиновник-правовед, националист, славянофил, деятель славянского движения, редактор «Journal de St. Petersburg» (орган МВД) в 1904–1905 гг. и «Правительственного вестника» в 1906–1911 гг. В I Думе сформировал умеренно-националистическую «партию народного центра». При Деникине заведовал Красным Крестом, эмигрировал в Турцию, откуда переехал в Сербию и в 1924 г. в Париж, где продолжал заниматься этнографией. Был легитимистом, представлял вел. кн. Кирилла Владимировича.

¹³ Роберт Уилтон (1868–1925) — английский журналист, был корреспондентом газеты «Таймс» в Петербурге в 1903–1918, во время войны участвовал в боевых действиях в русской армии, получил Георгиевский крест, осенью 1917 г. поддержал Корнилова, чем вызвал раздражение в Англии, перебрался в Сибирь к Колчаку, после его разгрома бежал, в Париже вновь стал работать в «Нью-Йорк Геральд», где когда-то начинал свою карьеру. Уилтон издал две книги: *Wilton R. Russia's Agony* (1918); *The Last Days of the Romanovs* (1920).

¹⁴ «Вчера русским писателям и журналистам была дана аудиенция в Букингемском дворце. Король обменялся рукопожатием с каждым членом делегации и гостеприимно приветствовал их в немногих сердечных словах. Граф Бенкендорф обратил внимание короля на книгу, недавно опубликованную в России г-ном Чуковским, о которой английская публика впервые узнала из статьи в Русском приложении к Таймсу. Король обратился к г-ну Чуковскому со словами высокой оценки его заслуг перед Англией как переводчика английских солдатских писем» (пер. Е.Д. Толстая) [The Times. 1916. 25 Feb. P. 3].

¹⁵ «Посмотрите на мои войска на учениях, на мой флот и на то, как работают оружейные заводы» (пер. Е.Д. Толстая).

¹⁶ Отель «Ритц» — роскошный отель на Пикадилли, в самом центре Лондона.

¹⁷ Лорд Роберт Сесил (1864–1958) — британский государственный секретарь иностранных дел (в описываемое время и до 1923), затем лорд-хранитель печати в консервативном правительстве, после 1925 посвятил свою деятельность Лиге нация. В 1937 получил Нобелевскую премию мира.

¹⁸ Набоков Константин Дмитриевич (1872–1927) — русский дипломат, младший брат В.Д. Набокова, основателя кадетской партии. После Февральской революции был уволен в отставку.

¹⁹ Мак Гахан Януарий Алоизий (1833–1878) — знаменитый американский военный журналист. Прославился репортажами с Франко-прусской войны; затем работал в Петербурге, где женился на русской (Елагиной). Наибольшую известность принесло ему расследование зверских преступлений турецких башибузуков против болгарского мирного населения. После этих публикаций Россия объявила войну Османской империи, а британское правительство за нее не вступилось, поскольку вынуждено было считаться с антитурецким общественным мнением. Мак Гахан стал национальным героем Болгарии. Форбс Берти Чарльз (1880–1854) — популярный финансовый журналист, основатель журнала «Форбс».

²⁰ Сэр Эдвард Грей (1863–1933) — член либеральной партии, министр иностранных дел Великобритании в 1905–1916 гг. После отставки — глава палаты лордов.

²¹ Асквит — сэр Роберт Генри Эсквит, премьер-министр Великобритании в 1908–1916 гг., затем глава партии либералов.

²² Адмирал Джелико — сэр Джон Джеллико (1859–1935), командующий британским флотом во время войны.

²³ Хег — сэр Даглас Хейг, (1861–1928) — британский военачальник, в 1915 г. командовал корпусом в Бельгии. Прославился в битве на Сомме. С 1916 г. главнокомандующий.

²⁴ Ср. требования к прессе, предъявленные войной, описанные Толстым в ехидной перспективе советских 1920-х годов: «В штабе интеллигенции, в редакции “Русских ведомостей” (куда я был приглашен военным корреспондентом), происходило смятение: редакторы — столпы кадетской партии — выкинули лозунг: зажать в себе оппозиционный дух, как некую горечь в сердце. И до решительной победы над немцами и австрияками идти рука об руку с правительством, ибо оно выполняет сейчас национальную функцию. Но уже после войны серьезно рассчитывать за все». Вот только стоял вопрос: какое же у «Русских ведомостей» теперь будет отличие от беспринципного «Русского слова», даже от «Нового времени»? Но предложено зажать дух — и зажали. И только этим жестом, в сущности, и отгородились от «Нового времени» [Толстой, 1949, с. 85].

Ср. там же характеристику «Русского слова»: «Там лихо брали Берлин, суворовским маршем проходили через Австрию, по пути присоединяли Галицию, врывались в Константинополь, ставили крест над св. Софией и, раздвинув ноги на манер геркулесовых столпов, утверждались на обоих берегах Босфора и Дарданелл» [Толстой, 1949, с. 86].

²⁵ Сэр Виктор Кавендиш, 9-й герцог Девонширский (1868–1938), политик и дипломат, в 1916–1921 генерал-губернатор Канады.

²⁶ Сэр Эдвард Грей (1863–1933) — член либеральной партии, министр иностранных дел Великобритании в 1905–1916 гг. После отставки — глава палаты лордов.

²⁷ См. статью О.А. Богдановой в наст. издании.

Список литературы

Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3.

Паттерсон Дж.Г. С еврейским отрядом в Галлиполи / Пер. М.П. Благовещенской; под ред. и с предисл. К.И. Чуковского; с прилож. статей В.Е. Жаботинского и капитана И. Трумпельдора. Пг., 1917.

Колотовкина С.С. Англо-русские общественные связи в годы Первой мировой войны, 1914 — февраль 1917 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

- Милуков П.Н.* Воспоминания (1859–1917) / Под ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Нью-Йорк, 1955. Т. II. Ч. 8. Гл. 8.
- Набоков В.Д.* Из воюющей Англии. Пг., 1916.
- Набоков В.Д.* Из воюющей Англии: Путевые очерки. [СПб.], 1916.
- Толстая Е.* «Деготь или мед»: Алексей Толстой как неизвестный писатель. 1917–1923. М., 2006.
- Толстой А.Н.* На войне // Соч. М., 1915. Т. VI.
- Толстой А.Н.* Собр. соч. Т. 6: В Англии. На Кавказе. По Волыни и Галиции. 2-е изд. М., 1916.
- Толстой А.Н.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 13.
- Толстой А.Н.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 10.
- Чуковский К.* Дневник: В 2 т. М., 2003. Т. 1: 1901–1929 гг.
- Чуковский К.* Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне. Пг., 1915.
- Чуковский К.И.* Англия накануне победы. СПб., 1917.
- Чуковский.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2008. Т. 14.
- Чуковский.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2007. Т. 5.
- Cross A.* Anglo-Russian Relations at the Twilight of the British Community in Petersburg/ Petrograd/ Leningrad // Россия и Британия. Вып. 4: Связи и взаимные представления XIX–XX века. М., 2006.
- Pares B.* My Russian Memoirs. L., 1931.
- Lokhart R.B.* My Europe. L., 1952.
- The Times. 1916. 25 Feb.